

Разоружение белогвардейцев

(Отрывок из книги „Мамонтов“)

Угрюмый морозный вечер. На мутном небе слабо светит луна. Легкий ветерок медленно гонит по дороге снежную пыль. В стороне от села уныло и одиноко стоят три сосны, слабо вырисовываясь на белом фоне.

В густом полумраке, около сосен, с разных сторон появляются фигуры людей. Навстречу им выходит Мамонтов. По резким и упругим движениям его не трудно узнать. В коротком пальто, теплых валенках и большой шапке, он выделяется среди остальных. Изредка похлопывая рукавицами, Мамонтов смотрит в сторону села, где слабо мерцают огни.

— Все собрались? — спрашивает он.

— Все, — отзыается Васька Буров, потирая уши.

Партизаны по одному подходят к Мамонтову, торопливо дышат и смотрят на него с глубоким вниманием. Они уже знают, что им предстоит опасное и ответственное дело. Но это никого не пугает их, а только слегка волнует. Воодушевленные личным мужеством, находчивостью и отвагой Мамонтова, партизаны четко исполняют его приказания. За короткий срок общения с ним они успели научиться многому, приобрели опыт, выдержку и спокойствие. В этом селе, подвергая себя риску, они были участниками важного события. А произошло это совсем неожиданно.

Осенью, в яркий солнечный день, перебедившие в форму белых, под командой Мамонтова, они верхами въехали

ли в село. На улицах было тихо, безлюдно. Многие работали в поле. У земской управы Мамонтов проворно соскочил с коня, подал поводья Ваське Бурову и в сопровождении четырех человек вошел в помещение.

В небольшой комнате, заставленной столами, было три человека. Двое пожилых что-то писали, а третий, дежуривший понятой, стоял в стороне, за деревянной перегородкой. Осмотрев присутствующих, Мамонтов строго спросил:

— Кто председатель?

— Я, — пробасил сутулый человек, поднимаясь со стула.

— Фамилия?

— Скаков.

— Предяви мне кассу.

В военной офицерской форме Мамонтов имел внушительный вид. Его стройная фигура и гордая осанка не вызывали подозрений.

Председатель с волнением достал из кармана связку ключей и открыл железный ящик, стоявший в углу. Мамонтов ловким движением руки отстранил его и, доставая небольшие пачки керенок, сдувал с них пыль, бережно складывая в карман.

— Сколько тут?

— Три тысячи, — неуверенно ответил председатель и, недоумевающе посмотрев на Мамонтова, проговорил:

— Как же я с отчетом?..

— Об этом беспокоиться нечего... Ты за какую власть?

— Не знаю за какую. Меня не тро-

гают и ладно, — безнадежно ответил председатель и махнул рукой.

Мамонтов подозрительно покосился на писаря.

— А ты за какую?

Писарь встрепенулся. Вздернув кверху густые брови, он с апломбом произнес:

— Я всю жизнь служил царю-батюшке и умру за временное правительство.

— Молодец!

Мамонтов круто повернулся, подошел к решетчатой двери каталажки и, отстранив понятого, спросил:

— Кто у вас здесь?

— Милиционеры арестовали нездешних людей, говорят какие-то агитаторы, — сообщил председатель.

— Открой дверь и вызови милиционеров.

Против желания председателя, Мамонтов уехал не так скоро, так как его целью было освободить из-под ареста двух красногвардейцев, пребывающих к нему в отряд. Расспросы и придирики продолжались до тех пор, пока не пришли милиционеры.

— Тупорылые черти! — набросился на них Мамонтов. — Вы что за порядком смотрите или просто отываете повинность? Председатель не знает какая ему нужна власть, а вы арестовываете, сами не зная кого. Снимайте оружие!

Приказание неизвестного офицера милиционеры выполнили не сразу и нехотя.

Получив оружие, Мамонтов подозревал председателя, повернул его лицом к выходу и, ударяя ножной шашки по спине, сказал:

— Убирайся вон, «правитель»!

Писарь и милиционеры были взяты под стражу. Через полчаса их расстреляли у трех сосен. Мамонтов суворово расправлялся со всеми, кто шел против советской власти.

На другой день утром крестьяне нашли три трупа. Расстреливали четверых, но один из милиционеров, получив легкое ранение, бежал в Рубцовку.

В село прискакал белогвардейский отряд, но Мамонтова и след простыл.

Теперь, спустя четыре месяца, он решил напомнить о себе. В степи как будто все умерло и застыло под холодным снежным покровом. Даже чистые сосны и те покрылись белой одеждой.

Давая партизанам необходимые указания, Мамонтов вынул наган, провел патроны и сухо спросил:

— Оружие у всех в порядке?

— В порядке, — дружно отзывались партизаны.

— Помогаев!

— Я.

— Ты в селе всех знаешь... Бери в помощь Дубощина и созывайте крестьян на сходку. Кулаков и те дома, где размещены белые, — не трогайте. Смотрите, чтобы была тишина и порядок. Ясно?

— Ясно.

— Ступайте.

Минут через пятнадцать по большому двору купца Шелуткова один за другим осторожно пробирались партизаны. Мамонтов шел первым. Все держались наготове. В этот решительный момент у каждого сильно билось сердце и напряженно работал мозг. Внешне они были спокойны.

— Ефим Мефодьевич, — шепнул Васька, — а как же с часовым?

— Пусть стоит, он нам не мешает... соблюдайте тишину.

Партизаны ощупывали глазами большой крестовый дом. Обнесенный крепким высоким забором, он казался им крепостью. Во дворе, на небольшом расстоянии расположены пимокатная, баня и маслобойка. Из конюшни слышался порох и фырканье лошадей. Всюду было спокойно.

Достигнув цели, партизаны постучали в дверь. Как только она отворилась и в полосе света показалась голова женщины, они ворвались в дом. У Шелуткова шла пирушка. Гладко выбритый ротмистр, его адъютант и усатый фельдфебель были уже навеселе. За большим столом сидели сам хозяин и священник о. Александр.

Мамонтов скомандовал: «руки вверх!» От партизан веяло холодом и решительностью. Глаза их смотрели также строго, как мрачные дула револьверов.

В доме поднялась паника. Женщины слабо вскрикнули и бессильно слушались на скамейку, глупо мигая глазами. О. Александр, непривычный к неожиданным, начал креститься, как бы избавляясь от страшного видения. Остальные подняли руки. Только один ротмистр рванулся к партизанам, хватаясь за кобуру.

— Сопротивление бесполезно, — предупредил Мамонтов, — будет лучше, если вы добровольно выполните наши требования.

Васька быстро разоружил офицеров и обыскал остальных.

— Что же вы хотите? — сквозь зубы процедил ротмистр.

— Разоружить всех солдат и попро-

сить вас отсюда убраться, — коротко обяснил Мамонтов.

Для ротмистра это показалось странным.

— Разрешите узнать с кем я имею дело? — спросил он.

Мамонтов назвал себя. Ротмистр вздрогнул и, зло сверкнув глазами, опустился на стул.

Мамонтов не знал, что ротмистр имел специальное задание уничтожить его отряд. Он спокойно открыл дверь соседней комнаты и вошел в нее. К удивлению всех, он скоро вышел оттуда, но уже переодетым в шинель адъютанта. Она пришла ему в пору.

— Собирайтесь, пойдете с нами, — сказал Мамонтов ротмистру, — остальные подождут здесь.

Мамонтов оставил в доме двух партизан, а с собой взял Ваську Бурова. У ворот он остановил ротмистра и приказал ему снять часового.

— Пусть обявит сбор солдат у земства.

Ротмистр открыл калитку, подозвал часового и, заметно волнуясь, отдал распоряжение.

Дорогой Мамонтов предупредил ротмистра.

— Не забудьте, что при малейшей попытке к сопротивлению, вы рискуете жизнью. Точно исполняйте мои указания.

В тихих улицах резко скрипел под ногами снег. Васька по пятам следил за Мамонтовым и не спускал глаз с ротмистра.

Крестьяне давно собирались на склон, переминались с ноги на ногу, недоумевая, зачем их вызвали в столь поздний час, осторожно разговаривали между собой.

— До коих пор будет продолжаться эта кутерьма? Конца не видно.

(Окончание см. на 4-й стр.).

Разоружение белогвардейцев

Окончание. Начало см. на 3 странице

— Нешто с нами советуются. Собрались вот, а зачем не знаем.

— Не жизнь, а каторга.

Мамонтов незаметно подошел к управлению, оставил Ваську с ротмистром и, громко откашливая, взошел на крыльцо.

— Ну, что, бороды лохматые, порядком не довольны? — заговорил Мамонтов.

— Я покажу вам кузькину мать, будете знать у меня... Говорите, кто большевики!.. Молчите? Хорошо. Все равно разыщу, тогда вам хуже будет... За каждого большевика вы получите у меня по двадцать шомполов. Поняли? Кто большевики — я вас спрашивал!

Крестьяне молчали, насупив брови. Инсценировка Мамонтова была принята ими, как настоящий факт. Они понимали, что белые спуску не дадут, но выдать большевиков — было не в их интересах. Они уже были научены горьким опытом.

Присутствовавшие среди крестьян Хазов и Соколов заволновались и не понимали в чем дело, но их тревога была рассеяна.

Мамонтов сразу изменил тактику. Окрикнув Помогаева и Дубошина, он объяснил им в чем дело, дал задание и сказал мужикам:

— Молодцы! Поступайте всегда так. Перед вами стоит не белый офицер, а Мамонтов. Большевики любят только правду и защищают ваши интересы. Мы будем беспощадно громить белогвардейскую свору. Сегодня я покажу вам, как нужно с ними расправляться.

Среди крестьян началось оживление. Они, как муравьи, запевелись и приблизились к крыльцу. Всем хотелось увидеть Мамонтова.

Когда на улице показались серые движущиеся точки, Мамонтов спустился с крыльца и подошел к ротмистру.

— Выстройте солдат, прикажите им поставить винтовки в козла и отведите их в сторону, — внушительно сказал Мамонтов.

Наступил решительный момент. Солдаты быстро выстроились. Мамонтов

неотступно двигался за ротмистром. Засунув руки в шинель, он продавил наганом карман и высунул дуло из-под полы.

Ротмистр явно колебался. Делая солдатам ненужные замечания, он решал вопрос жизни и смерти. Имея положение и чин, ему не хотелось сложить оружие. Но раздумывать долго не приходилось. Он повернул солдат лицом к крестьянам, обошел их с левого фланга и, замедляя движение, отрывисто произнес:

— На руку!

Вместе с этим словом, он тигром кинулся на Мамонтова.

Раздался выстрел. Ротмистр перегнулся всем корпусом, скжав руками живот и, выдавив последнее слово «пли», рухнул на снег.

— Отставить! — скомандовал Мамонтов, перешагнув через труп.

В народ стрелять никто не позволит. Поставить винтовки в козла!

Сжимая револьверы, партизаны придвигнулись к строю и следили за движениями солдат. Хазов и Соколов, нарушая условности, подошли к Мамонтову и были наготове. Крестьяне тоже начали проявлять активность, пристраиваясь к партизанам.

Солдаты не понимали в чем дело. Им даже не было времени обдумать создавшееся положение. Перед ними, с наганом в руке, стоял офицер, а всякий офицер был для них начальником.

Приказание Мамонтова было выполнено. Солдаты сложили оружие. Как только оружие перешло в руки партизан, Мамонтов сказал:

— Товарищи солдаты! Ваше командование арестовано. Вы имеете дело с партизанами и можете избрать любой путь: хотите — идите обратно к белым, хотите по домам, а хотите оставайтесь у меня. Решайте сами, как лучше, так и поступайте, неволить не будем.

После некоторого раздумья человек пять изъявили желание присоединиться. Остальным Мамонтов объявил, что они свободны. Солдаты быстро разбрелись по селу. Но ни один из них не

имел желания вернуться в часть. Каждому хотелось домой, ближе к семье.

Мамонтов дал указание Помогаеву освободить из каталажки арестованных дезертиров, поговорил с оставшимися у него солдатами и подозвал Ваську.

— Иди к Шелуткову и узнай у офицеров, где у них пулеметы.

— А что с ними делать?

— С кем, с пулеметами?

— Нет, с офицерами.

— В расход.

После этого Мамонтов обратился к крестьянам:

— Товарищи, вы, конечно, не ожидали, что в вашем присутствии мы решили провести разоружение. В критический момент я рассчитывал исключительно на вашу помощь, но, как видите, все прошло благополучно. Врага нужно брать не только силой, но и хитростью. Сегодня ночью я должен выехать в Солоновку и прошу вас дать мне подводы. Нужно отправить людей и оружие. Кто согласен поехать?

Несколько минут прошло в напряженном молчании. Не у каждого хватало решимости называться первым. Но начало было сделано. Из толпы выдвинулся высокий крестьянин и подошел к Мамонтову.

— Я даю двух лошадей, — зычным голосом сказал он и, отвернув воротник тулуна, обратился к крестьянам: — Чего зря думать, ведь свое дело делаем. Нешто нам лучше было бы, если беляки силком заставили ехать. У них разговоры короткие: подводы требуют — давай; провиант нужен — не отказывай. А теперь добром просят, а мы думаем. Кто нас просит? Сам Мамонтов... Видели какие он чудеса делает, а для кого старается, для нас же.

Простые и убедительные слова оказали свое действие. Желающих ехать оказалось больше чем полагалось.

Мамонтов распустил крестьян, поручил Дубошину проследить за снаряжением подвод, а сам пошел к Хазову пить чай.

В полночь он выехал в Солоновку.